

Глава 2

Очнулась я все на том же берегу. Сколько прошло времени — не имела понятия. Сознание все еще тормозило, мысли ворочались вяло. Я закашляла и от этого очнулась. Кое-как поднялась, покачиваясь. Растерянно осмотрелась. Мост дугой, Кыш и Пыж, — косящиеся сверху. Река, стянута льдом. Ночь. Холод.

И я — дрожащая и кашляющая на берегу.

Побрела вперед, подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму. Но с каждым шагом мысли прояснились. Я упала в реку. Что-то случилось, и я упала. Надо идти. Надо добраться до дома.

И я пошла. Кашляя, спотыкаясь, кажется, даже падая. Но потом упрямо поднимаясь и снова топя вперед. Людей в это время ночи на улицах не было. Хотя, если и были бы, вряд ли я обратила бы внимание. Сознание порой уплывало, меня трясло. Мокрые волосы повисли сосульками.

Я плохо помню, как оказалась возле своей обшарпанной двери. Сунула руку в карман, растерянно вытащила что-то плоское. Кошелек. Мужской. Открыла и уставилась на пачку денег. Откуда? Что это? В глазах снова темнеет...

Когда я очнулась, где-то поблизости тарахтел голос, и я узнала соседку, мать той самой Агнессы.

— ...а я иду, думала — опять забулдыга какой залез! Ведь валяется внаглую, даже не стесняясь. И лампа ведь не горит,

снова кто-то стащил! Я и струхнула... А потом... потом смотрю — волосенки торчат. И вроде как рука. Присмотрелась, да так и ахнула! Тинка там лежит, представляешь? Валяется, словно баклажку вина в одиночку выдула! А ведь с виду и не скажешь... Да еще и в куртке с мужского плеча, да дорогой, кожаной! Вот я к ней... а она...

Разлепила глаза. Лежу в своей комнате. На своем продавленном диване. Рядом тетя и соседка — блестят встревоженными глазами и причитают. Ну, все как обычно, в общем.

— Очнулась! — завопила тетушка так, что захотелось снова отключиться. Соседка бросилась ко мне, принялась бестолково поправлять старый плед, дергать подушку — то ли выдернуть хотела, то ли оставить.

— Тина! Вот так учудила, ненормальная ты девчонка. Я думала, ты умерла! Совсем без дыхания валялась! Мокрая и холодная, как ледышка! Что случилось?

Я облизала пересохшие губы, и тетя понятиливо сунула под нос кружку с водой. И уставилась ожидающе.

— Я упала в реку, — выдавила чуть слышно. — Я упала... с моста.

— С моста? На лед? И жива?

Соседка заохала, замахала руками, глядя на меня как на спятившую.

— Да.

Я устало прикрыла веки. Свет неяркой лампы почему-то жутко раздражал глаза. И горло сохло.

— Дайте еще воды.

— Да у тебя жар, Тина! — Тетя прижала ладонь к моему лбу и нахмурилась. Несмотря на любовь к сплетням, которые она с радостью разносила по всем знакомым, злой она не была. И сейчас всерьез встревожилась. — Надо вызвать врача.

— Нет, я просто... устала. Надо... поспать.

— Устала? — вскричала соседка. — Да если ты не врешь и действительно свалилась с моста, то тебе точно нужен лекарь! Тинка, да это вообще чудо, что ты выбралась! Это же... да это же чудо!

Выбралась... Я нахмурилась. А как я выбралась? Зажмурила веки, восстанавливая хронологию вечера. Вот я вышла из мастерской. Вот решила срезать путь. Вот — мост. И я иду... а потом?

В висках заломило, да так, что я вскрикнула и прижала дрожащие ладони к голове. Под закрытыми веками заплясали разноцветные круги, горло обожгло, словно мне в рот насыпали раскаленных углей. Я выгнулась и закричала.

Снова провал...

— Странно. Никогда такого не видел. Любопытно, очень необычный случай... Говорите, она упала в реку? — голос мужской, знакомый.

Память рисует образ — сухой сутулый старик с чемоданчиком. Врачеватель из соседнего дома. Обращалась к нему как-то, берет недешево, но дело свое знает. Что он забыл в моей комнате? Я больна? А если так, то чем платить, ведь услуги специалиста дороги.

А у меня нет синов... Я оставлю тебе свою куртку. И еще вот это...

В руку ложится что-то плоское. Кошелек из мягкой дорогой кожи. И куртка тоже кожаная, теплая и легкая. Укрывает меня до бедер, прячет от зеленых глаз. Все потому, что пальто утонуло. И в нем — девушка. Как же ее звали? Тинка, Тина. Вот так, да.

— Очень, очень странно! Ну надо же, как необычно... Кто бы мог подумать, что такое бывает!

Да вот бывает. Живешь себе, мечтаешь о ботинках и парне с катка, который подарил цветок, а тут вам — бах,

и прощай, Тина. Нет тебя. И правда, очень необычный случай!

Я открыла глаза.

И ойкнула от яркого света.

Закрылась ладонью.

— Уберите лампу, ну же, госпожа Приния! Посмотрите на меня. Вот так. Осторожно. Вы знаете, кто я?

— Врачеватель, — выдохнула я. — Господин Арьен.

— Прекрасно! — Мужчина радостно всплеснул ладонями. — А свое имя вы помните?

— Конечно. Тина.

— Замечательно!

Я перевела взгляд с лекаря на свою тетку, скорбно застывшую на заднем плане, и не выдержала:

— Что происходит? Я заболела?

— Заболела. Да еще как! Несколько дней на грани, мы уж думали, не выкарабкаешься. Ты упала в реку, милая.

В реку? Ну да...

— Вы помните, как это случилось, Тина? — блеснул стеклами очков лекарь.

— Я... поскользнулась, — медленно произнесла я. — А там... нет ограды. Я не удержалась.

— Святые праведники! Сто раз тебе говорила, чтобы не бегала через мост! И вот!

Тетушка потрясла кулаком. Показывая, что именно — вот. Допрыгалась вот, непутевая.

Но я лишь прикрыла веки.

— А куртка? На тебе была куртка, милая! И деньги! Откуда?

— Что? Я... не знаю. Не помню.

В комнате повисло напряженное молчание.

— Вероятно, кто-то помог девочке дойти до дома. Вряд ли девушка смогла бы осуществить это самостоятельно, вы ведь

понимаете? — ровно произнес лекарь. — Но по неизвестной причине этот человек решил остаться безымянным. Что ж. Вы должны его благодарить. Теперь даже я не сомневаюсь в вашем выздоровлении, Тина.

Я промолчала.

Отвернулась к стене, чтобы скрыть усмешку.

Потому что соврала и тетушке, и почтенному лекарю. Я помню того, кто одолжил мне дорогую куртку на меху. И кто небрежно сунул в ладонь пачку купюр. И из-за кого я свалилась в обледеневшую реку.

Я все это прекрасно помню, хотя и не должна.

Ведь незнакомец постарался стереть мне память. Вот только что-то у него не вышло, и мои воспоминания остались при мне.

А еще — зарождающаяся злость. Из-за богатенького придурка я чуть не погибла. Мост закрыли, он не имел права по нему ехать!

И мне очень хочется снова увидеть этого уroda, чтобы плюнуть ему в лицо.

Хотя даже сейчас, в своем полубессознательном состоянии, я понимаю, что это почти невозможно.

И, пожалуй, к лучшему.

После нескольких дней темноты я пошла на поправку. Причем так быстро, что врачеватель лишь поднимал куцые брови и многозначительно хмыкал. Навещать меня он перестал через неделю, правда, велел навещаться в лекарскую. Я, как здравомыслящая и ответственная девушка, эти указания честно выполняла. Но вот чего не понимала — это почему каждый раз врачеватель, помимо стандартного осмотра ушей, носа и горла, простукивания легких и тому подобных манипуляций, прикладывал

ко мне всем известный предмет — блестящий кругляш с несколькими стрелками, измеритель потенциала или чаронометр, как называли его обыватели.

Не выдержав, я спросила:

— Что вы делаете? Мои данные снимали при рождении, а потом в десять лет, как у каждого ребенка. У меня нет и никогда не было чар, зачем вы снова проверяете показатели?

Лекарь задумчиво поднес к глазам блестящий кругляш, пожевал губы. И снова хмыкнул.

— Видите ли, Тина... Это покажется вам странным... и вполне возможно, напугает... но ваши показатели изменились.

— Что?

Честно говоря, я не сразу осознала сказанное. Чары — это некий внутренний потенциал. Получить его извне невозможно. Счастливчики, родившиеся с ним, относятся к привилегированному обществу, к Королевству Бездуш. Но я всегда была самой обычной, пустышкой — как презрительно именуют остальных людей заклинатели.

— Простите, но ваш прибор просто сломался, — нашла я разумную причину.

— Это вряд ли, — в десятый раздражающий раз хмыкнул лекарь.

— Но я пустая! Всегда была!

— И все же. Посмотрите сами, Тина.

Мужчина протянул мне кругляш. Тонкая стрелка на серебряном циферблате отклонилась на одно деление. Всего таких штрихов девяносто девять, и говорят, что у самых сильных заклинателей стрелочка совершает полный оборот. Но такое бывает лишь у чистокровных, и то далеко не у всех.

А у меня — одно деление. Ничтожно мало для обитателей Бездуш. И невероятно много для пустышки с окраины.

— Но это невозможно! — закричала я.

Лекарь убрал чаронометр.

— Вы что-нибудь слышали о случайниках, Тина?

— Случайники? — растерялась я. Кажется, что-то такое нам рассказывали в школе. Признаться, Бездуш с его чудесами тогда был настолько далек от меня, что слушала я невнимательно. — Кажется, это те, чей потенциал возрос в результате несчастного случая? Удара молнией, например.

— Все верно, — довольно улыбнулся врачеватель, словно я продемонстрировала недюжинный ум. — Конечно, большинство заклинателей получают потенциал от рождения. Он передается по линии обоих родителей, как знатие. Поэтому заклинатели так рьяно оберегают чистоту крови. Чем сильнее чары у отца и матери, тем больше вероятность высокого потенциала у ребенка. Но иногда, очень редко, чары пробуждаются в пустом человеке. В результате случайности, рокового события на грани жизни и смерти. Это большая редкость, Тина. Но, кажется, вам невероятно, невысказанно повезло. И ваш пустой сосуд наполнился!

Ледяной водой он наполнился, хотела сказать я, но промолчала.

У меня появились чары? Святые праведники, да неужели это возможно?

— Я что же... — ахнула, начиная осознать. — Я что же теперь... потеряю душу?

Лекарь досадливо поморщился. Конечно, как любой образованный человек, он не признавал неофициальное название столицы нашего королевства.

— Не говорите глупостей, Тина, вы ведь не сельская девчонка! Обладатели чар не бездушны.

— Но все знают, что чары располагаются как раз на месте души. — Я растерянно ткнула пальцем себе в грудь. — И ее они отдадут взамен способности колдовать!

— Заклинание — сложный процесс и результат работы разума! — недовольно протянул мужчина. Похоже, его мнение обо мне резко скатилось до уровня бездновой впадины. — Разума, а не эфемерной души, существование которой пока никто не доказал!

Он поднялся, недовольно косясь на меня. Похоже, экзамен на тот самый разум я все-таки провалила. Ну и ладно.

— Пойдите... я что же теперь... заклинательница?

— Пока вы лишь девушка со слегка подростим потенциалом чар. Ничтожным, но все же. Без знаний и тренировок он совершенно бесполезен. И вообще может оказаться лишь временным явлением. Ну, а что вам делать... Вам следует сообщить в Магистерию Чар о вашем удивительном случае. В обязательном порядке.

На окончательное осознание новой реальности и моего нового положения ушло еще две недели. Честно говоря, я до последнего думала, что почтенный лекарь ошибается. Или что его чаронометр неисправен. Я не ощущала в себе изменений, лишь порой тянущую боль в груди, словно отголосок той, что пронзила меня во льду. Но это лишь фантомная память, — непонятно и заумно объяснил врачеватель. Мои легкие и внутренности были совершенно здоровы. Купание в реке не оставило после себя неприятных сюрпризов.

Только вот чары...

Сколько я ни всматривалась в зеркало, не замечала там новой Тины. Все та же девчонка — глаза светло-карие, с лукавыми золотистыми искорками, волосы светлые, кудрявые и растрепанные, фигура с необходимым набором впадин и выпуклостей. Нос вздернутый, улыбка во все зубы и вечно не к месту. Симпатичная, как мне всегда казалось. Но, понятно, невероятно далекая от красавиц за ажурной оградой. Девушек из Бездуш я видела не так

уж и много, ведь они не приходили в мастерскую тетушки за новыми платьями и не покупали булочки в пекарне Хромого Роба. Изредка они проносились по улице на блестящих машинах, да и то случайно. И в затемненных окнах виднелись горделивые и безупречные красавицы, бросающие на окраину удивленно-снисходительные взгляды. Словно обительниц шикарных транспортных средств удивляло само существование подобного места, а тем более — людей, бесполезно топчущих брусчатку.

И разве есть у меня с ними что-то общее?

Конечно, нет.

Однако в Магистерию я все-таки пошла. Больше для того, чтобы окончательно удостовериться — нет у меня никаких чар. И продолжить жить как прежде — спокойной и понятной жизнью.

Со мной собралась тетушка. Моя родственница никак не могла прийти в себя от бед, свалившихся на дитячко — то есть меня. И поглядывала жалостливо, и все норовила подсунуть какую-нибудь вкусность, хотя я давно выздоровела и вообще ощущала себя прекрасно. Отделаться от тети я не смогла, так что с утра в понедельник надела свое лучшее платье — синее, длиной ниже колен, с белым бантом у горла, — плотные шерстяные чулки, ботинки со сбитыми носами и старую куртку. Осмотрела себя в зеркало. Скривилась. Подол висел тряпкой, и мои торчащие из колодок обуви ноги смотрелись тонкими веточками, а потрепанная куртка портила и без того неприглядную картину.

К платью нужно пальто, но оно осталось в недрах ледяной реки...

На миг взгляд остановился на черной коже, качающейся на крючке моей комнаты. Мужская куртка. Чужая. Едва уловимо пахнущая чем-то свежим и горьким. Парфюм

из какого-нибудь салона ароматов, где бумажки с ценами пугают рядом цифр. Бархатная подкладка. Скромная бирка известной и дорогой фирмы на изнанке.

За прошедшие дни я изучила куртку вдоль и поперек. Никаких бумаг или опознавательных документов. Незнакомец, столкнувший меня в реку, не оставил следов. Лишь куртка, деньги за причиненные неудобства и приказ все забыть. Приказ, подкрепленный магическим внушением. Вот только я почему-то помнила.

О том, что на самом деле случилось на мосту, я не сказала ни лекарю, ни родственникам. Потому что понимала — не стоит. Незнакомый парень принадлежал другому миру, миру Королевства Бездуш, а я с детства усвоила — соваться к таким не стоит. Они сильнее и злее. Не зря кварталы за ажурной оградой прозвали так, ох, не зря. Сильные мира сего не знают жалости, а заклинатели — и подавно.

Но иногда, поглаживая бархат внутри куртки и вдыхая дразнящий аромат, я сжимала кулаки, размышляя о владельце этой дорогой вещицы. Как легко он сбросил ее с плеч! Подачка, призванная заткнуть мой рот!

— Сволочь, — шептала я, надевая куртку и поднимая воротник. — Чтоб тебя... Попался бы ты мне!

И снова встали перед внутренним взором злые зеленые глаза и искривленный от досады рот.

— Тина, ты готова? — тетя выдернула меня из мрачных мыслей, появляясь на пороге комнаты. — Ты еще даже не одета! Ну что за девчонка непутевая!

Меня мигом закутали в шарф, натянули на лоб вязаную шапку с пушистым помпоном и решительно потащили на улицу. С утра небо заволокло низкими тучами, осень лениво присыпала город мелким снежком. Я глубоко вдохнула острый воздух и вслед за тетей двинулась

к станции. Магистерия находилась на другом конце города, за ажурной решеткой. Ехать пришлось на звенящем от напряжения и магии составе, место в нем дешевле, чем в наемном мобиле. За окном потянулись привычные и родные улочки — кривоватые, не очень чистые, с невысокими домами и завешенными сохнувшим бельем балкончиками. Узкие проулки, ставни, выкрашенные в кирпичный и зеленый цвета, выбитая брусчатка. Скамейка возле чайной, где меня впервые поцеловал мальчик, водонапорная колонка за углом, где я истоиво терла губы, отмываясь от позора! Мой мир. Привычный и понятный.

Но стоило гудящему вагончику вкатиться по рельсам на территорию Бездуш, улицы волшебным образом преобразились. словно кто-то стер безжалостной рукой привычное зелено-серое и щедро плеснул многоцветия. Мне редко доводилось бывать за оградой, так что я прилипла к окну, рассматривая величественные здания с витыми колоннами, арками, статуями и витражными окнами, тарашась на нарядно одетых пешеходов, а один раз даже увидела виверну, зависшую над открытой галереей, что растянулась между двумя домами.

Правда, потом меня отпихнули от окна более наглые пассажиры, и дальше пришлось разглядывать спины и лица наших спутников, которые, как и мы с тетей, решили сегодня посетить Бездуш.

— Станция Магистерия! — звонко объявил женский голос, тетя подпрыгнула и вытащила меня на улицу.

Вагончик уехал, а мы остались возле огромных кованых дверей, ведущих в святая святых. Здесь измеряли чары. Здесь рушились надежды. Здесь ткались судьбы тысяч людей. Ведь проклятая черточка на блестящем измерителе была способна возвысить человека или облечь на жалкое существование.

Тетушка благоговейно застыла, сложив руки. Я потопталась рядом, тоже пытаясь приобщиться к прекрасному, но выдержала недолго.

— Тетя, ну пойдем уже! Холодно, к тому же мы мешаем проходу! Хватит взирать на эту дверь так, словно она ведет напрямик в чертоги святого Фердиона!

Родственница наградила меня хмурым взглядом и вздохнула.

— И в кого ты такая язва, Тина? Впрочем, знаю в кого. Конечно, в матушку, да будь благословен ее прах! Мой бедный брат женился на ней, лишь бы та замолчала! И ты такая же!

Я отмахнулась от беззлобного бормотания и толкнула дверь. За ней обнаружился приемный зал, расходящийся паутиной бесконечных коридоров и комнат. Симпатичная служащая в ответ на наше бессвязное блеяние споро заполнила какие-то бланки и сунула мне в руку что-то светящееся.

— Следуйте за проводником!

От неожиданности я уронила это нечто на пол. Слабо мерцающий шарик подпрыгнул и покатился, мы с тетей ринулись следом, хлопая полами распахнутой одежды. Поплутав по коридорам, натываясь на людей в попытке не упустить своего проводника и не спутать его с десятком других, мы все же добрались до нужной двери. В центре ее красовалась надпись «Распределение. Магистрариус А. Вельвет».

Переглянувшись с тетей, я деликатно постучала. Створка распахнулась сама собой, тетя сделала многозначительный взгляд, мол, магия, а я фыркнула и закатила глаза.

И вошла.

— Здравствуйте.

За столом сидел мужчина в круглых очках. На нас он не смотрел, и, пока тетя мялась в дверях, я уселась на стул. Тетя снова испустила печальный вздох, призванный

показать, что она не виновата в дурном воспитании родственницы, ну то есть меня, и плюхнулась на соседнее сиденье.

— Так-так, — пробормотал хозяин кабинета, по-прежнему не поднимая глаз от бумаг. — Что у нас тут? Надо же, случайное пополнение чарорезерва. Ну-ну. Надо же. Посмотрим-посмотрим... Руку!

Мы с тетей слаженно подпрыгнули.

— И сердце! — ляпнула я. И покраснела, с испугом глядя на мужчину. И вот кто меня за язык вечно тянет?

Магистрариус оторвался от рассматривания бумажек и наконец соизволил окинуть нас внимательным взглядом. Сначала тетю, почти доведя ее до обморока, потом меня. Улыбнулся.

— Итак, юная госпожа, — протянул он. — Случайник.

Откуда он это узнал и как вообще понял, зачем мы явились, — я так и не поняла. Зато тетя снова воспрянула духом и глянула на меня. «Магия!» — читалось в ее взгляде.

Или налаженная связь с приемным залом, где мы заполняли документы, решила я.

— Думаю, ваше сердце лучше оставить для некоего молодого человека, с которым у вас однажды случится прекрасное будущее, юная госпожа, — произнес магистрариус. — А вот вашу руку я все же хотел бы увидеть. Исключительно для того, чтобы измерить потенциал, конечно. Вы позволите?

Я несколько смутилась от такого обращения. Тетя смотрела победителем, мол, учись, Тина. Вот тебе воспитание и манеры, не то что ты — босячка! Вся в матушку...

Неловко поднявшись, я стянула куртку, задрала рукав платья и приблизилась к столу. И только сейчас увидела, что это была не обычная мебель. По темной лаковой поверхности проплывали изображения. Картинки

сменялись так быстро, что от мельтешения цветных пятен у меня мигом заболела голова.

— Положите ладонь сюда, — кивнул магистрариус.

Я опасливо повиновалась и вскрикнула, когда часть глянцевої столешницы смолой потянулась вверх и обхватила мою ладонь, запястье, локоть...

— Спокойно, юная госпожа, у вас нет причин для беспокойства, — уверил мужчина. — Это всего лишь измеритель. Просто более совершенный. Он считывает показатели до сотых долей. Расслабьтесь.

Я выдохнула. Легко ему говорить! А у меня рука в непонятной липкой гадости!

По поверхности стола побежали цифры. Я скосила глаза, но с моего положения рассмотреть что-то подробнее не удалось.

— Так-так. Ну-ну. Динамика присутствует. Надо же! Так-так... Вот и всё!

Смола чавкнула и слезла с моей руки, а я осмотрела пальцы. Пересчитала. Вроде все на месте. А то мало ли... С этих обитателей Бездуш станется!

— Ну что же, Тина, могу вас обрадовать. Вы действительно лицо чаронеодаренное, случайно пополнившее резерв в результате трагического происшествия или иного взаимодействия с раздражающими или губительными факторами. Ну или проще — случайник. Потенциал ваших чар сейчас составляет три условные s-единицы.

— Но ведь была всего одна! — воскликнула я так, словно это магистрариус виноват в подростковом потенциале.

— Все верно, ваш резерв нестабилен, он пополняется, пока не установится в своей норме. Это очень хорошая тенденция, юная госпожа. Вам повезло. Кстати, как вы приобрели чары?

— Упала в реку, — растерянно пробормотала я. — И что теперь? Ну, то есть, что мне теперь делать? — Я оглянулась на тетю, застывшую изваянием. Кажется, она даже не моргала. Может, вообще уснула? Или в шоке от происходящего? — Врачеватель, наблюдавший меня после... несчастного случая, велел явиться в Магистерию. И что дальше?

А. Вельвет снял очки, неторопливо вытащил откуда-то кусок бархатной тряпочки и принялся натирать стекла.

— Видите ли, Тина. Для начала я должен убедиться, что чары получены вами законным путем.

— То есть? — опешила я. Ну да, ходили разные слухи. Мол, есть ритуалы — запрещенные и кровавые, — позволяющие пополнить резерв и даже залить чары в пустышку вроде меня. — Я ничего такого не делала! Да я крови боюсь! Вы что же, думаете, я кого-то...

По губам мужчины скользнула улыбка.

— Не волнуйтесь, я вас ни в чем не обвиняю. Поверьте, запрещенные методы... оставляют следы. А у вас из преступлений, наверное, только воровство конфет из тетушкиного комода.

Я покраснела, магистрариус снова улыбнулся. И серьезнел. Вернул очки на переносицу. Глянул строго.

— Я говорю о незаконном получении иного рода. Вы сами упали в реку, Тина?

Я на миг застыла.

— Сама.

— Вы в этом уверены? — мягко переспросил мужчина. — Поймите, если имело место... насилие... вы не должны молчать. И виновного накажут. Вы должны лишь заявить...

— Я упала сама, — твердо повторила я.

— Ну что ж, — вздохнул магистрариус, и мне показалось — с облегчением. Впрочем, его глаз я не видела, стекла бликовали. — Тогда могу вас поздравить. Отныне вы

недипломированная заклинательница. Вам выдадут соответствующие документы.

Тетушка издала придушенный стон, я растерянно моргнула.

— И что мне делать с этим?

— Учиться, конечно. Обучение людей с потенциалом чар — обязательное условие, Тина. Мы не можем позволить себе необученных заклинателей, не знающих, что делать со своими возможностями.

— Учиться? — У меня голова пошла кругом. — Но как? Где?

— А вот это уже другой вопрос.

Господин Вельвет резко махнул по глянцевой поверхности, и там снова замигали картинки. Он же заговорил быстро, листая свой удивительный прибор:

— Так-так... Ну-ну... посмотрим... полный набор... и здесь тоже... Верденская школа? Увы... Страфин-ард? Не то... Плохо-плохо... Все учебные заведения заполнены, к тому же обучение уже началось, как вы понимаете... Так-так... и что же нам делать?

— Подождать до следующего года? — неуверенно произнесла я.

— Никак невозможно, дорогая Тина. У вас потенциал. И если завтра вы случайно спалите чарами свой дом, то виновата будет Магистерия. Вы должны учиться. Надо непременно что-то придумать... Как вам Альенская школа?

— Какая? — опешила я. — Альенская? Но это же... на Севере!

— Ну да. Вы увидите ледники, небесное сияние и серебряных снежных котов. Поверьте, восхитительное зрелище!

— Но я не хочу уезжать из столицы! — завопила я, и господин Вельвет хмыкнул. — Нет-нет, дело не в том, что

это столица, — торопливо поправилась я. — Но здесь мой дом! И тетя с дядей! А он болен! Кто будет им помогать? Нет, я не могу уехать!

— Но с началом обучения шесть из семи ваших дней будут посвящены урокам, — резонно напомнил магистрант.

— Но на седьмой я смогу навестить родных! Вы не имеете права высылать меня... в ледники!

Мужчина снова хмыкнул и уставился в поверхность стола. И чем больше смотрел, тем сильнее хмурился.

— Тогда я могу предложить вам лишь один вариант, госпожа Тина, — со странной интонацией произнес он, а я насторожилась. — Как я уже сказал — все, абсолютно все учебные заведения заполнены. По вашему уровню потенциала вам подошла бы Верденская или Ашлинская школы. Но, увы, мест нет. Но я могу устроить вас в Высшую Столичную Академию.

Я онемела. И рот открыла. Так и сидела с открытым, желая заорать: «Ущипните меня! ВСА? Да вы шутите? Туда, где учатся дети богатых и родовитых, в самое привилегированное заведение столицы, а заодно и всего королевства? Я буду там учиться? Я?»

— Вы, верно, шутите.

Господин Вельвет снова снял и протер очки.

— Не шучу. Правда, ваше обучение будет слегка специфическим.

— Что вы имеете в виду?

— Тина, я буду с вами откровенен. Вы ведь понимаете, что ни вашего уровня чар, ни родовитости, ни средств не хватает для поступления в подобное место. Выпускники этой Академии нарасхват. Даже после года обучения, а с вашим потенциалом это будет лишь год, вы станете востребованным специалистом. Диплом ВСА открывает

многие двери. Но попасть туда такой девушке, как вы, можно лишь одним способом.

— Каким это? — Я подозрительно прищурилась. Это что мне предлагают?

— Стать... м-м-м... личной помощницей для одного из студентов. — Магистрариус успокаивающе поднял руки. — Как вы понимаете, учащиеся этого заведения не привыкли к бытовым трудностям. Они не умеют убирать в комнате, ухаживать за одеждой и прочее. А в стенах Академии запрещены прислужники. Но можно попросить кого-то из соросников... помочь. Взамен вы сможете обучаться, Тина.

Я молчала. Ну да, более чем просто. Я становлюсь служанкой для какого-то богатенького сноба или снобки, а взамен тихонько сижу на занятиях и впитываю знания. Целый год среди высокомерных бездушных аристократов в роли поломойки. Отлично. Это прямо то, о чем я мечтала!

Открыла рот, чтобы отказаться... и закрыла. Потому что увидела лицо тети. Светящееся. Озаренное светом надежды. И все мои злые слова застряли в горле.

Тетя воспитывала меня с детства. Мои родители погибли, и небогатая родственница безропотно взвалила на себя ношу по воспитанию сироты. Первые годы все было даже неплохо, но потом заболел дядя. Болезнь прогрессирует, с каждым годом становится все хуже. Чтобы купить лекарства, нужны деньги, а они с потолка не падают. Тетя не жалуется, но выбивается из сил, пытаюсь вытащить и мужа, и меня.

Мастерская дает заработок, но надо смотреть правде в глаза. Тетя слаба, ее зрение уже не такое острое. У нее болит спина и ломит пальцы. А ее вкус никогда не был таким хорошим, чтобы конкурировать с мастерской той же Матильды, что недавно открылась на соседней улице. Пока к тете ходят старые клиентки — такие же замшелые

и неторопливые, как и сама тетушка. Приходят больше за общением, чем за обновками. Но вот только монет от этого почти не прибавляется. А скоро перестанут ходить и они.

И что мы будем делать?

Я рассчитывала к весне найти новую работу, более высокооплачиваемую, но... кому нужна девчонка с окраин без образования и особых умений? Таких полно...

А вот если я смогу продержаться год в Академии, то получу заветную бумагу с гербом королевства. И тогда смогу устроиться не просто на работу, а на хорошую работу! Даже с таким уровнем чар, но с соответствующими знаниями я смогу вытащить нашу семью из болота, в котором мы тонем. Медленно, но неуклонно погружаемся в чавкающую трясину безденежья и безнадёжности.

И всего-то один год.

Подумаешь, прислуживать! А сейчас я что делаю? Разношу подносы и мою стаканы за три сина в неделю. Тоже мне гордячка нашлась!

От стыда полыхнули щеки, и я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Я согласна! — выдохнула торопливо и увидела, как блеснули слезами глаза тети. — Согласна!

— Я не сомневался, Тина. Поверьте, на такие места полно желающих. Но вам и тут повезло. Одному из студентов понадобилась помощница. Так что уже завтра вы окажетесь в Академии.

Мое сердце подпрыгнуло и ударило в ребра, грозя их проломить. Признаваться не хотелось, но новая жизнь слегка... пугала.

— Завтра? Как завтра? — впервые отмерла тетя.

Господин Вельвет прищурился.

— Хорошо, послезавтра. Но ни минутой позже! Понятно? Учебный год уже начался, придется догонять.

— Да, господин магистрариус!

— Вы одобрены! — ударил ладонью по волшебному столу магистрариус. — Список необходимых вещей и предметов полу́чите на выходе. Поздравляю, Тина!

Ошарашенные и растерянные, мы с тетей двинулись к выходу. И уже возле дверей я опомнилась.

— А кто мой... ну, этот студент? Чьи носки я буду стирать?

— Эш Вандерфилд. Студент последнего курса обучения.

Имя мне ни о чем не говорило, конечно. В геральдике я тоже была не сильна, хотя где-то на донышке памяти плескалось воспоминание о Вандерфилдах. Кажется, это кто-то из семей — основателей королевства? М-да, надо бы освежить свои знания о сильных мира сего, раз уж меня угораздило к ним попасть!

Студент последнего курса — значит, ему не менее двадцати пяти лет, совсем взрослый. Что ж, надеюсь, он окажется непривередливым и разумным нанимателем!

Мы вывалились в коридор и ошарашенно уставились друг на друга. Тетя шмыгнула носом.

— Не вздумай реветь, — строго приказала я. — Дома поплачешь. Здесь нельзя.

Тетя согласно кивнула и боязливо покосилась на закрытую створку.

И лишь за дверью Магистерии мне пришел в голову еще один вопрос.

А что случилось с прежней помощницей некоего студента Вандерфилда? Ведь учебный год длится уже два месяца, и вряд ли все это время он собственноручно стирал свои носки! И еще. Почему он не смог найти поломойку среди уже обучающихся студентов?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

